

Т. Ф. ВОЛКОВА, М. В. МИХАЙЛОВА

Сказание об Иосифе Прекрасном в обработке печорского книжника И. С. Мяндина*

Имя усть-цилемского книжника Ивана Степановича Мяндина (1823—1894) хорошо известно специалистам, изучающим старообрядческую культуру районов Русского Севера, благодаря работам В. И. Малышева¹ и целого ряда других исследователей, обращавшихся к его рукописному наследию и изучавших его переработки древнерусских повестей, житий, поучений.² Круг литературных интересов печорского книжника был весьма разнообразен: переработанные им в той или иной степени средневековые произведения относятся к разным жанрам и посвящены разнообразным темам. Большой интерес проявил И. С. Мяндин и к памятникам переводной литературы: среди переработанных им произведений такие переводные повести, прошедшие уже редактуру под пером русских книжников, как Повесть о царице и львице, Повесть о гордом царе Аггее, Повесть о царевне Персике, Троянские сказания, Александрия. Привлекли внимание усть-цилемского писателя и хронографические сказания о героях ветхозаветной части Библии: библейских патриархах Аврааме, Исааке и Иакове, о предводителях еврейского народа — Иосифе, Моисее, Иисусе Навине, о царях Давиде, Соломоне, Сауле, о знаменитых женщинах — Юдифи, Эсфири.³ В настоящее время они практически не исследованы, и определить меру их оригинальности сейчас не представляется возмож-

* Исследовано проведено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 05-04-04301а.

¹ См.: *Малышев В. И.* 1) Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960; 2) Усть-цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // *Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома.* Л., 1985. С. 323—337.

² Обзор исследований о редакторской работе И. С. Мяндина см. в статье: *Волкова Т. Ф.* Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей: (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // *ТОДРЛ.* СПб., 2005. Т. 57. С. 842—846.

³ Списки этих сказаний сосредоточены в трех мяндинских сборниках — ИРЛИ, Усть-цилемское собр. (далее — УЦ), № 66, л. 1—115 (в составе хронографической компиляции: «Историческое описание от сотворения мира»; см. описание сборника: *Малышев В. И.* Усть-цилемские рукописные сборники... С. 112—115); УЦ, № 267, л. 5—259 об. (в составе хронографической усть-цилемской компиляции: «Книга, глаголемая Гранография, сиречь историческое описание жизни от первых человек до последних»; см. описание сборника: *Малышев В. И.* Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // *ТОДРЛ.* М.: Л., 1961. Т. 17. С. 604) и РНБ, НСРК, О.100, XIX в. (втор. пол.), в 8-ку, л. 120—180 (в составе хронографической компиляции: «Выписано из книги Гранографа повести полезныя о древнихъ мужех, како они препроводили здѣ жизнь добрую»).

ным. Однако одно из сказаний — об Иосифе Прекрасном, дошедшее в составе трех мяндинских сборников,⁴ уже стало предметом нашего анализа,⁵ который показал, что и библейские сюжеты в их хронографической версии подвергались И. С. Мяндиным существенной переработке.

Сказание об Иосифе Прекрасном в его библейском варианте (Быт. 37—50) представляет собой обширный рассказ со множеством деталей и подробностей. В основе его сюжета лежит конфликт между братьями — сыновьями патриарха Иакова, в результате которого один из них — Иосиф — в течение долгих лет оказывается разлученным со своей семьей и находится на чужбине, где его постигают несчастья, но в конце концов благодаря своему пророческому дару Иосиф становится правителем Египта. В Библии рассказ о судьбе Иосифа вписан в более широкий контекст истории еврейского народа, в которой Иаков — отец Иосифа — выступает праотцем израильского племенного союза, а его 12 сыновей возглавляют отдельные племена в составе этого союза. Иосиф является родоначальником двух ставших ядром союза племен — Ефрема и Манассии (двух сыновей Иосифа). Центральной идеей библейского сюжета является провиденциальная идея об обусловленности всего происходящего с человеком высшей Божественной волей.

История Иосифа, как и многие другие библейские сюжеты, была известна древнерусскому читателю не только из самого первоисточника — ветхозаветной Книги Бытия, но и из последующих средневековых переработок библейских сюжетов, прежде всего в рамках исторического жанра Хронографа, излагавшего как всемирную историю от сотворения мира, так и историю русскую, которая рассматривалась как продолжение всемирной. Хронограф пользовался очень высоким авторитетом у средневекового русского читателя и получил широкое распространение на Руси. Будучи по преимуществу историческим жанром, Хронограф включал в себя и географические, и естественнонаучные сведения, а также богословские комментарии, христианские легенды, сведения о святых. Именно через Хронограф русские читатели познакомились с сюжетами античного эпоса (сказанием об аргонавтах, различными версиями сказаний о Троянской войне, мифами о Персее, Эдипе и т. д.), с эллинистическим романом об Александре Македонском, а также и с разнообразными библейскими сказаниями.⁶

В поисках источников мяндинской переделки Сказания об Иосифе мы обратились к двум редакциям Русского Хронографа — 1512 и 1617 гг. В Хронографе редакции 1512 г. повествование об Иосифе Прекрасном читается в главах с 13-й по 16-ю,⁷ а в хронографической редакции 1617 г. оно

⁴ «О Иосифѣ Прекрасномъ» (ИРЛИ, УЦ, № 267, л. 35 об.—55); «О прекраснѣм Иосифѣ» (ИРЛИ, УЦ, № 66, л. 29 об. —47 об.); «О прекраснѣм Иосифѣ и о еже чесо ради братия продаша его и како паки възде на самый верхъ чести и величия и Египеть от глада избави» (РНБ, НСРК, О.100, л. 133 об. — 146 об.).

⁵ В статье использованы материалы дипломной работы: Михайлова М. В. Сюжет об Иосифе Прекрасном в древнерусской средневековой литературе и поздней старообрядческой традиции / Науч. рук. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 2004.

⁶ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 3.

⁷ Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 г. // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. ч. 1. С. 51 —59 (далее текст данной редакции цитируется по этому изданию).

находится в составе 19-й главы.⁸ Анализ хронографической версии Сказания об Иосифе показал, что в обеих названных редакциях Хронографа воспроизводится библейский рассказ, опускаются лишь небольшие детали фабулы. В рамках данного рассказа эти редакции Хронографа мало чем отличаются друг от друга, почти дословно совпадая. Различаются они главным образом разбивкой текста на главы; кроме того, редакция 1617 г. опускает больше деталей библейского сюжета, чем редакция 1512 г. Обе редакции Хронографа не сохранили библейский вариант членения текста: во-первых, в них изменилась нумерация глав, во-вторых, выделяемые в них части повествования снабжены подзаголовками. В редакции 1512 г. глава 13 имеет заголовок «О Иосифѣ» и совпадает по содержанию с 37-й главой Книги Бытия. Глава 14 разделена на несколько частей, снабженных следующими подзаголовками: «О Июдѣ» (эта часть соотносится с библейской главой 38), «О Иосифе» (возобновляется рассказ о судьбе Иосифа, поэтому подзаголовок дублирует название 13-й главы; здесь отражено содержание 39-й и 40-й библейских глав), «О сне фараони» (41-я глава в Библии). Глава 15 с заголовком «О шествии Израиля въ Египеть» передает содержание 42—47 глав Книги Бытия и выделяет в отдельную часть рассказ о переезде Иакова в Египет; подзаголовок этой части совпадает с названием главы, внутри которой она находится. Последняя 16-я глава «О смерти Израилевѣ и о благословении чадѣ» соотносится с последними главами рассказа об Иосифе в Библии (48—50-я главы Книги Бытия).

В Хронографе 1617 г. сюжет об Иосифе помещен в одну большую главу. В ней выделяются части со следующими подзаголовками: «О Иосифѣ» (37-я глава Книги Бытия), «О Иосифѣ, что ему бысть во Египтѣ» (библейские главы 39 и 40), «Како изведе Богъ Иосифа изъ темници» (глава 41), «О купли пшеницы яже во Египтѣ» (главы 42—45), «О отшествии Израиля во Египеть» (46-я и частично 47-я главы), «О Июдѣ и о родословии Давыда царя» (глава 38).

Как же трансформировался сюжет библейского сказания об Иосифе под пером составителей Хронографа? Во-первых, рассказ в Хронографе значительно короче, чем в Библии. В нем, как правило, опускаются многие подробности библейского текста.

Другим отличием хронографического Сказания от библейского текста является перенесение в нем акцента на исторический план повествования. Хронограф, будучи жанром по преимуществу историческим, акцентирует внимание на фактографической стороне описываемых событий. Некоторые детали библейского текста опускались составителями Хронографа, возможно по причине неактуальности их смысла для русского редактора. Так, например, Хронограф 1512 г. сообщает о том, что Иосиф «с братнею своею пасяше овчата отца своего» (с. 51), не конкретизируя, с какими именно братьями Иосиф пас скот, в то время как в Библии уточ-

⁸ Летописец, списанный св. Дмитрием в Украине с готового 2-й редакции до 1617 г. с его примечаниями по полям, изображением его и 25 номерами снимков его почерка из 30 рукописей и печатных книг, ему принадлежавших, и диплома, ему поднесенного Московской духовной академией / Изд. Амфилохия, епископа Углического. М., 1892. С. 58—63.

няется, что это были сыновья наложниц Иакова Валлы и Зелфы, в то время как Иосиф был сыном одной из двух жен патриарха Иакова — Рахили.

Опускает Хронограф и такую деталь библейского сюжета, как встреча Иосифа, безуспешно разыскивающего своих братьев в пустыне, с неким человеком, подсказавшим ему местонахождение братьев (Быт. 37: 14) и тем самым способствовавшим свершению над Иосифом Божественного промысла. Для Библии важным является мотив рождения сыновей Иосифа в плодородные годы. Хронограф редакция 1512 г. сохраняет этот мотив, но, по-видимому, уже не придает ему столь важного значения, а в редакции 1617 г. о рождении сыновей Иосифа говорится уже после сообщения о наступлении голодных лет. Таким образом, в более поздней хронографической версии утрачивается связь мотива рождения детей Иосифа с мотивом плодородия земли.

Предельно сокращен в Хронографе пространственный библейский рассказ о том, в каком составе прибыло семейство Иакова в Египет, в котором поименно называются все сыновья Иакова, их жены и дети. Для библейского повествования, воссоздающего историю рода Авраама, эти подробности имеют принципиальное значение, а названные имена детей и внуков Иакова будут фигурировать в дальнейшем рассказе. Для составителя хронографического Сказания эти подробности не играли такой роли, и он сократил данный эпизод до краткого сообщения о том, что вместе с Иаковом в Египет пришло 75 человек его «колена».

Претерпел изменение в Хронографе и эпизод продажи Иосифа его братьями египетским купцам. В Библии инициатором такого решения судьбы Иосифа выступает Иуда, что мотивирует введение в последующий библейский рассказ специальной главы о судьбе Иуды и его детей, прерывающей повествование об Иосифе. В Хронографе мотив особой роли Иуды в принятии братьями решения о продаже Иосифа опущен, что лишает мотивировки введение последующей главы «О Июдѣ». По-видимому, именно поэтому в редакции Хронографа 1617 г. глава об Иуде извлечена из рассказа об Иосифе и помещена после него.

Сокращаются в Хронографе и «слезные» сцены. Так, например, в рассказе о первой встрече Иосифа с братьями в Египте опущен эпизод раскаяния братьев в своем преступлении и вытекающая из него психологическая подробность поведения Иосифа, отлучающегося в другую комнату, чтобы скрыть свои слезы. Опускается в Хронографе и описание сетований Иакова на свою судьбу, когда он во второй раз отправляет сыновей в Египет. В библейском рассказе подчеркивается, как трудно было Иакову расстаться с Вениамином, тогда как в хронографической версии Иаков добровольно, без уговоров со стороны Иуды, отправляет Вениамина с братьями в Египет. Отсутствует в Хронографе и «слезная аранжировка» сцены узнавания братьями в могущественном правителе Египта проданного ими в рабство Иосифа. Приведенные сокращения, обнаруживающиеся в хронографическом повествовании, свидетельствуют об ориентации его составителя главным образом на событийный аспект повествования.

Иногда сокращение отдельных эпизодов приводит в Хронографе к некоторой трансформации образа главного героя Сказания. Так, например, в хронографической версии преувеличена власть Иосифа в Египте. Это

ощущается в той части рассказа, где излагается история поселения племени Иакова в Египте. В библейском сказании Иосиф сначала представляет Иакова и нескольких братьев фараону, предварительно наставляя их, как им следует вести себя во время этого визита, после чего фараон дает разрешение семейству Иакова поселиться в Гесеме. В Хронографе Иосиф решает судьбу своей семьи сам, предлагая братьям и отцу переехать из Ханаана в Египет; фараон лишь утверждает это решение своего правителя. Такое преувеличение полномочий Иосифа является следствием предпринятых составителем хронографического повествования сокращений ряда библейских эпизодов (обращение Иосифа за разрешением к фараону, представление семейства Иакова фараону и др.).

Другие сокращения библейского текста в Хронографе не столь существенны, так как не вносят смысловых изменений в сюжет Сказания (например, в Хронографе упрощается рассказ о мести жены Потифара отвергнутому ее Иосифу — оставлен лишь момент ее клеветы мужу, в то время как в библейском сюжете этому предшествует ее рассказ о случившемся всем домохозяевам).

Хронограф последовательно сокращает повторы библейского текста. Так, например, трижды повторенный в Библии пересказ загадочных снов фараона (Быт. 41: 1—7) в Хронографе утрачивает промежуточное звено — слова самого фараона, дублирующие повествование от автора; в рассказе о том, как сыновья Иакова — Рувим и Иуда — поочередно заверяют отца, что приведут назад из Египта брата Вениамина, в Хронографе оставлено только «ручательство» Иуды и т. п.

Можно отметить и некоторые привнесения в библейский текст, сделанные составителем Хронографа. Некоторые из них связаны с переосмыслением русским автором терминологической лексики библейского источника, ориентированным на русского читателя (например, в Хронографе Иосиф, обретший новый статус после удачного растолкования снов фараона, назван «*князем* всей земли Египетстей»), другие — с беллетризацией некоторых мотивов библейского сюжета (так, краткое упоминание библейского текста о том, что Иосиф якобы гадал по той серебряной чаше, которая была обнаружена в мешке Вениамина, в Хронографе превращается в эпизод, рисующий сам процесс «волхования» Иосифа по этой чаше: он рассказывает братьев по возрасту, при этом ударяет по чаше, делая вид, что «чари творить», — Хронограф 1512 г. С. 56).

Таким образом, хронографическая версия Сказания об Иосифе Прекрасном, сохранив все основные фабульные узлы библейского рассказа, устранила из него черты библейской провиденциальности и сделала его более фактографичным, исторически окрашенным.

Наряду с хронографической обработкой сюжета об Иосифе древнерусскому читателю была известна и другая его средневековая интерпретация, сделанная в рамках уже не повествовательного, а риторического жанра известным богословом, писателем и поэтом IV в. Ефремом Сирином. Слово Ефрема Сирина, посвященное Иосифу Прекрасному, приурочено к определенному дню в церковном календаре: оно читается в понедельник Страстной недели. В жанре «слова» библейский сюжет об Иосифе претерпел гораздо больше изменений, чем в Хронографе. Под пером Ефрема Сирина он приоб-

рел поучительную направленность и риторическую украшенность. Фабула Сказания в Слове осталась практически неизменной, все основные эпизоды сохранились, но многие из них получили новое художественное решение в соответствии с требованиями жанра торжественного красноречия.

Непосредственному повествованию о судьбе Иосифа в Слове предшествует этикетная часть, в которой автор просит Господа благословить его на написание данного произведения. Затем следует восхваление героя Слова, о судьбе которого собирается поведать автор: в стиле «шлетения словес» перечисляются все добродетели Иосифа. В этом фрагменте автор щедро одаривает героя эпитетами «дивный», «прекрасный» и др., использует такие этикетные метафоры, как «чюдный источникъ цѣломудрия», «побѣдитель изящень чюднымъ побѣдамъ» и т. п. Здесь говорится о том, что Иосиф является ветхозаветным прообразом Сына Божия: «Сей <...> дивный отрокъ измлада собою прописал оба пришествия Христова <...>» (л. 280);⁹ перипетии жизни Иосифа прообразовательно сопоставляются с событиями земной жизни Иисуса Христа.

В Слове образ Иосифа целенаправленно идеализируется. По библейской версии, Иосиф был любимцем отца в силу своего происхождения от любимой жены Иакова, что вызвало зависть у его братьев. К тому же Иосиф доносил отцу «худые <...> слухи» о братьях (Быт. 37: 2), рассказывал им свои сны, рисующие его превосходство над ними, чем провоцировал в них еще большую ненависть. В Слове автор стремится оправдать добродетельного героя, объясняя его доносы на братьев непримиримостью Иосифа к любым проявлениям «неправды»: «воистину добрая дѣтели не может расти с неправдою» (л. 282). Пророческие сновидения Иосифа Ефрем Сирин рассматривает как свидетельство пребывания в нем Духа Божия, но их содержание читателю не раскрывает. В Слове подчеркивается жертвенность Иосифа: когда братья нападают на него, он ведет себя, «яко агня незлобиво», а братья поступают с ним, как «звѣри дики». Сравнение Иосифа с агнцем также связывает его образ с образом Христа.

В сюжете Слова на первый план выдвигается частная судьба Иосифа — поучительная история о том, как герой-праведник сумел достойно пройти все ниспосланные ему испытания и за это получил награду — высокий сан правителя Египта. Таким образом, главная идея Слова — идея воздаяния человеку по его заслугам перед Богом. В библейском сюжете акценты расставлены иначе. Вся жизнь Иосифа здесь подчинена Божественному замыслу: Богу угодно было, чтобы народ Израиля переселился в Египет, и этот замысел реализуется через частную судьбу Иосифа. Каждое новое несчастье приближает Иосифа к господству в Египте. Бог, посылая очередное испытание герою, неизменно ведет его в нужном направлении. По Библии, Иосиф достигает высокого положения не столько за свои заслуги, сколько потому, что это было изначально предначертано свыше.

Иным, по сравнению с библейским и хронографическим рассказами, является и язык Слова: он насквозь метафоричен, насыщен эпитетами

⁹ Здесь и далее Слово Ефрема Сирина об Иосифе Прекрасном цитируется по старообрядческому изданию Паренесиса, бытовавшему в Усть-Цильме: НБ СыктГУ. УЦ. п. 29: *Ефрем Сирин и Авва Дорофей*. Поучения. Клинцы: Тип. Железникова, 1787. Сентябрь. 523 л.

и сравнениями, зачастую весьма развернутыми. Приведем несколько примеров. Когда жена Потифара пытается соблазнить Иосифа, он мысленно обращается к отцу с просьбой помолиться Богу о его спасении от «сего звѣря», который хочет его «в ров погибели воврещи» (л. 288 об.). Таким образом, «буквальные» в начале повествования об Иосифе образы зверя и рва становятся в этом фрагменте метафорами. Иосиф, устоявший перед соблазном и отвергший посягательства влюбленной в него госпожи, сравнивается с орлом, который «егда узритъ ловца, то высочае возлѣтаеть» (л. 289 об.) и т. п.

Еще одной художественной особенностью Слова Ефрема Сирина является активное использование автором прямой речи в разных ее формах: это реплики героев, слова напутствия сыновьям, произносимые Иаковом, пространные монологи, представляющие собой плачи героев. Всего в Слове семь плачей, из них пять — плачи Иосифа. Первый плач Иосифа обращен к братьям, напавшим на него, второй плач — к отцу (когда Иосиф оказывается брошенным в ров), следующий плач обращен к Рахили, матери Иосифа, и произносится им на могиле матери по пути в египетский плен. Четвертый и пятый плачи Иосифа вновь обращены к отцу, один из них звучит в тот момент, когда жена Потифара пытается соблазнить Иосифа, другой — когда Иосиф впервые после долгой разлуки видит своего единоутробного брата Вениамина. Содержание всех плачей сходно — это жалобы и сетования Иосифа на несчастную судьбу. Каждый плач помимо новых жалоб Иосифа включает в себя содержание предыдущего плача, при этом повторяются мотивы рва, куда бросили его братья, «яко разбойника», продажи в рабство «поганым» купцам и т. п. Эти плачи Иосифа из Слова Ефрема Сирина позднее легли в основу духовных стихов об Иосифе Прекрасном.

Помимо плачей Иосифа в Слове Ефрема Сирина имеются плачи и других персонажей: Иаков оплакивает гибель Иосифа, когда сыновья приносят его окровавленную одежду, брат Иосифа Вениамин «плачет», когда братья обрушиваются на него с несправедливыми упреками в том, что он украл чашу Иосифа.

Таким образом, в Слове Ефрема Сирина текст библейского сказания также подвергается целенаправленной художественной переработке при сохранении основных моментов фабулы; трансформируется основная идея сказания, а образ главного героя получает несколько иное освещение: он идеализируется и приобретает черты героя житий.

Охарактеризовав текст-первоисточник — библейский рассказ об Иосифе Прекрасном, а также две его средневековые переработки — хронографическую и риторическую, обратимся к печорским версиям Сказания, созданным И. С. Мяндиным. Из трех усть-цилемских списков Сказания в научной литературе пока рассматривался только один, читающийся в самом известном мяндинском сборнике ИРЛИ. УЦ. № 66. в статье О. В. Творогова, посвященной мяндинской обработке Троянских сказаний, которая также читается в этом сборнике.¹⁰ Исследователь процитировал не-

¹⁰ Творогов О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников // Рукописное наследие Древней Руси: (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1972. С. 228—241.

большой фрагмент из Сказания об Иосифе по списку УЦ 66 как образец хорошо узнаваемого мяндинского стиля, появляющегося в его редакциях в местах, не имеющих соответствий в источниках и явно введенных самим переписчиком. Стиль этот, вспомнив Пушкинскую эпоху, О. В. Творогов назвал «галантерейным».¹¹

Эти наблюдения О. В. Творогова и подтолкнули нас обратиться прежде всего к данному сюжету из большой группы хронографических рассказов, восходящих к библейскому тексту, переписанных И. С. Мяндиным: процитированный О. В. Твороговым фрагмент списка УЦ 66 явно свидетельствовал о творческом подходе И. С. Мяндина к библейскому сюжету. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что печорский книжник трижды переписал это Сказание в разных сборниках, что дает возможность, как показал опыт предшествующих исследований мяндинских редакций, заглянуть на новом материале в творческую «лабораторию» печорского редактора. Дело в том, что повторное обращение И. С. Мяндина к одному и тому же сюжету, как правило, приводило к созданию нового варианта его — мяндинской — редакции, с новой расстановкой акцентов, с ориентацией на другие стилевые традиции. В большинстве случаев мяндинские обработки до нас дошли в двух, иногда в одном списке. Единственным ранее исследованным случаем тройного обращения И. С. Мяндина к одному и тому же сюжету является Повесть о гордом царе Аггее, мяндинские редакции которой исследовала Е. К. Ромодановская,¹² сделавшая интересное наблюдение о приемах работы печорского книжника над выбранным для переписки сюжетом. Она открыла своеобразный «алгоритм» овладения И. С. Мяндиным этим новым сюжетом: сначала И. С. Мяндин переписывает текст первоисточника, внося минимальную правку и переделывая лишь один эпизод, близкий ему по теме, затем тот же вариант переписывается снова с правкой по всему тексту, не меняющей в корне текст памятника, на третьем этапе овладения сюжетом печорский книжник создает уже вольный его пересказ, отличающийся «свободным варьированием в заданных рамках».¹³ Эти наблюдения Е. К. Ромодановской отчасти подтвердились при изучении двух мяндинских списков Повести о царевне Персике,¹⁴ новеллы «Великого Зеркала» о царе, научившем приближенных бояться суда Божия.¹⁵

В еще большей степени о поэтапном овладении И. С. Мяндиным новым для него сюжетом свидетельствует сравнительное изучение трех мяндинских списков Сказания об Иосифе Прекрасном. Основные выводы проведенного нами исследования сводятся к следующему.

¹¹ Там же. С. 232.

¹² Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв. Новосибирск, 1985. С. 216—226.

¹³ Там же. С. 225.

¹⁴ См.: Волкова Т. Ф., Чупрова Г. В. К изучению Повести о царевне Персике // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 16—25.

¹⁵ Волкова Т. Ф., Карманова Н. А. Работа печорской о книжника И. С. Мяндина над текстом новеллы «Великого Зеркала»: (Новелла о царе, научившем приближенных бояться суда Божия) // От средневековья к Новому времени: Сборник статей к 80-летию О. А. Белобровой (в печати).

Для создания своей версии Сказания И. С. Мяндин использовал два источника — хронографический рассказ об Иосифе и «Слово» Ефрема Сирина. Хронографический источник И. С. Мяндина до нас не дошел в составе Печорских собраний, но, возможно, отыщется в других северных собраниях. Что касается Слова Ефрема Сирина, то нам известны два печорских его списка — ИРЛИ, УЦ, № 12, л. 100 об.—125 об., кон. XVII в. (Слово из Паренесиса) и ИРЛИ, УЦ, н. 183, л. 96—127 об., перв. трети XVIII в., причем последний список находится в рукописи, переплетенной И. С. Мяндиным. В Усть-цилемском собрании НБ СыктГУ, как мы указывали выше, есть и печатный Паренесис Ефрема Сирина (НБ СыктГУ, УЦ, п. 29), включающий текст «Слова».

Из Хронографа И. С. Мяндиным взяты следующие тематические эпизоды Сказания: рассказ о родителях Иосифа (смерть Рахили и борение с Богом Иакова читается только в списке УЦ, № 267); содержание снов, которые видел Иосиф и пересказ которых вызвал ненависть к нему братьев; описание государственной деятельности Иосифа в Египте; сообщение о рождении там его сыновей. Эта хронографическая информация была художественно переработана И. С. Мяндиным: помещена в иной, чем в Хронографе, контекст, стилистически обработана.

В основном же И. С. Мяндин в своей работе над сюжетом Сказания опирался на Слово Ефрема Сирина (слова и поучения которого были очень популярны в старообрядческой среде, в том числе и на Печоре). Он почерпнул из Слова Ефрема Сирина и ряд подробностей, касающихся жизни Иосифа в Египте, которые отсутствовали в Хронографе (например, упоминание о женских хитростях жены Потифара, с помощью которых она пыталась соблазнить Иосифа, — смена нарядов, умощение себя благовониями и т.п.; рассказ о плаче уже проданного в рабство Иосифа на могиле матери), и само осмысление образа Иосифа как праведника, ставшего жертвой сначала завистливых братьев, а затем блудницы — орудия самого сатаньы. Однако под пером Мяндина постепенно, от редакции к редакции, изменялось и стилистическое решение, и идеологическое наполнение образов главных героев — Иосифа и его соблазнительницы.

Наше исследование показало, что первоначальный этап разработки И. С. Мяндиным сюжета об Иосифе отразился в списке УЦ 267, что соотносится с наблюдениями и над текстом Троянских сказаний, также читающихся в УЦ 267 и УЦ 66.¹⁶

Редакция, дошедшая в УЦ 267, представляет собой подробный пересказ сюжета об Иосифе с сохранением композиции источников. Здесь еще не введено ни одного нового сюжетного мотива, но уже заметна некоторая художественная разработка отдельных эпизодов, почти не сохранившаяся в последующих редакциях.

Вторая стадия работы И. С. Мяндина над сюжетом Сказания отражена в списке УЦ 66. Это самый объемный из трех списков. На этой стадии работы И. С. Мяндин, с одной стороны, еще полностью следует за композицией своих источников, не подвергает текст радикальному сокраще-

¹⁶ См.: Волкова Т. Ф. К изучению печорских списков Троянских сказаний: (Две редакции И. С. Мяндина) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 394—414.

нию, с другой — весьма существенно перерабатывает сюжет, вводя новые сюжетные мотивы и меняя акценты в обрисовке образов главных героев. В этой редакции появляется новое действующее лицо — некто Селима, для которой сочиняется биография, расходящаяся с библейской историей, — она называется осиротевшей племянницей Иакова, дочерью Нахора, который, по Мяндину, является «братом Рахили», жены Иакова, хотя, по Библии, Нахор — общий дед родителей Иосифа — двоюродных брата и сестры — Рахили и Иакова. Селима становится возлюбленной Иосифа, вызывая зависть одного из его братьев — Симеона, также претендовавшего на руку Селимы. Введение И. С. Мяндиным нового действующего лица повлекло за собой введение в дальнейшее повествование и ряда новых эпизодов, развивающих введенную в начале рассказа тему Селимы и связывающих «египетскую» часть Сказания с началом рассказа. Так, образ Селимы появляется в сцене соблазнения Иосифа женой Потифара (которая здесь названа Далукой) и в сцене посещения Далукой Иосифа в темнице, также введенной Мяндиным, в которой Далука слышит, как Иосиф во сне разговаривает со своей невестой, что лишает ее последней надежды завоевать его сердце.

В списке УЦ 66 И. С. Мяндин вводит совершенно новые подробности начала жизни Иосифа в доме Потифара (у Мяндина он именуется, как и в Хронографе, Петерфием или Петерфрием), свидетельствующие о крестьянском взгляде Мяндина-писателя на описываемую ситуацию. Иосиф в этой версии сначала становится простым пастухом и живет среди других «пастырей». Здесь он, в изложении Мяндина, во-первых, «перевоспитывает» своего «начальника», который был «лютый и золь зъло», но Иосиф из него сделал «кроткаго друга»; во-вторых, проявляет себя в творческом труде — «из древъ палмовых и дерна сотвори Иосифъ прекрасную снь, и цвѣтами ю украсил, и лиру, чего ради звукъ лиры и видѣння сьни привлекаль многих окрестных пастырей ко Иосифу». Этот вновь введенный мотив служит в УЦ 66 экспозицией рассказа о жене Петерфия, которая, услышав о деяниях Иосифа, посещает его на пастбище и сразу влюбляется в молодого «пастыря».

Существенно переосмыляется в этой — второй — редакции И. С. Мяндина и образ соблазнительницы Иосифа — Далуки. Из орудия сатаны, окаянной блудницы, пытающейся свергнуть праведного юношу в «ров прелюбодеяния», какой она вслед за Словом Ефрема Сирина предстает в I редакции Мяндина (УЦ 267), Далука в списке УЦ 66 превращается в любящую и страдающую от неразделенной любви женщину, которую только страх оказаться разоблаченной мужем толкает на оклеветание Иосифа. Эта перестройка образа Далуки начинается с первого эпизода ее появления в сюжете II редакции (УЦ 66). Здесь И. С. Мяндин вводит отсутствующую в источниках характеристику жены Петерфия как первой красавицы Египта, «земной богини». Эта характеристика находит себе художественную параллель в последующем эпизоде соблазнения Иосифа, где появляются новые художественные детали: отчаявшись привлечь внимание Иосифа своими нарядами и благовониями, Далука обращает внимание юноши на скульптуры богов — Венеры и Марса, которые как бы демонстрируют радость плотской любви; так же, по ху-

дожественной логике И. С. Мяндина, считает себя достойной любви и «земная богиня» Далука.

В этой редакции в рассказе о Далуке И. С. Мяндиным сняты все упоминания о ее блудной страсти, влекущей Далуку к Иосифу, об охватившем ее вожделении, которыми насыщен текст I редакции, отталкивающейся от трактовки Ефрема Сирина. Вместо выражения «блудная страсть» появляется слово «любовь». Характерна и концовка эпизода посещения Далукой Иосифа в темнице. Убедившись в том, что сердце Иосифа полностью занято другой женщиной — Селимой, имя которой он произносит во сне, Далука «скоро возвратилась во свои чертоги ... нося с собою сердце Иосифово».

Таким образом, можно сказать, что на втором этапе освоения сюжета об Иосифе в Мяндине-редакторе побеждает крестьянин, пытающийся по-своему осмыслить любовные взаимоотношения своих персонажей. Сопоставление переделанных И. С. Мяндиным древнерусских повестей с их источниками показывает, что печорскому крестьянину часто не хватало в средневековых сюжетах (скупых на изображение внутренних побуждений, чувств и переживаний героев) психологических мотивировок и характеристик, что заставляло его создавать свои описания, вводить детали и подробности поведения героев, указывающие на их душевное состояние, сопровождать описываемые поступки персонажей своими комментариями, позволяющими заглянуть в их внутренний мир. Эта тенденция проявилась и во второй мяндинской редакции Сказания об Иосифе.

На третьем этапе освоения сюжета (список РНБ, НСРК, О. 100) в Мяндине-редакторе, на наш взгляд, побеждает писатель, стремящийся к лаконизму и выразительности повествования, к композиционной логике, к созданию сюжетного напряжения в ходе повествования. Печорский книжник, во-первых, сокращает многие сюжетные мотивы и детали, внесенные на II стадии, причем иногда создается впечатление, что, производя эти сокращения, он как бы подразумевает знание читателем текста предшествующей, более подробной редакции Сказания. Так, например, введя во II редакции образ Селимы, объяснив, кто она и как появилась в доме Иакова, в III редакции Мяндин упоминает о ней как об уже знакомой читателю героине, опуская биографическую справку о ней: рассказывая о замысле братьев «избыти от ненавистнаго ими брата», И. С. Мяндин без какого-либо предисловия в этом контексте впервые вводит образ Селимы: «К тому же Симионъ болши имѣ ненависть на Иосифа за Селиму, почти обрученную Иосифу дѣвицу прекраснѣйшую».

В этой редакции Сказания заметна дальнейшая работа И. С. Мяндина над образом главного героя. Иосиф здесь как бы «очищается» от всего того, что может хоть сколько-нибудь скомпрометировать его в глазах читателя и представить как человека, который сам спровоцировал своим поведением зависть своих братьев (доносил на них отцу, рассказывал им свои сны, в которых явственно прослеживалось его превосходство над братьями). И. С. Мяндин расширяет в этой версии Сказания характеристику Иосифа, мотивирующую особое отношение к нему отца: помимо красоты и премудрости Иосиф наделяется здесь кротостью и послушанием. Если в списке УЦ 66 выбор Селимы как невесты Иосифа объясняется их взаим-

ной любовью, то в списке РНБ решение принимает сам Иаков, своей отцовской волей решая судьбу Селимы, снимая тем самым с Иосифа вину перед братом.

Особое внимание в этой редакции И. С. Мяндин отводит сцене соблазна Иосифа женой Петерфия. Она тщательно им разрабатывается. Во-первых, подробно описывается место действия. В Слове Ефрема Сирина и Хронографе оно никак не обозначено, в двух первых мяндинских редакциях — это спальня жены Петерфия («ложница»), о чем упоминается вскользь. В списке РНБ — это «нѣкий прекрасный садъ, гдѣ Юпитерь и Венера въ объятяхъ обнаженными члѣны другъ у друга объемшеся», куда однажды заходит Иосиф, а вслед за ним и Далука. Встреча эта рисуется И. С. Мяндиным как нечаянная, а не подстроенная Далукой, и все последующее ее поведение приобретает характер экспромта. Речь Далуки, обращенная к Иосифу, здесь сокращается, текст становится более энергичным, действия Далуки более стремительными. Тема Селимы, оставшейся на родине невесты Иосифа, вводится прямо в монолог Далуки, воспринимающей ее как соперницу: «И со словом обнажи всѣ свои члены донага и сказа: „Виждь, Иосифе, мои члены, нѣужели лучше моихъ у твоей Селимы?“». Меняется и рисунок поведения Иосифа. Из непоколебимого праведника он превращается в смущенного мужчину, который начинает колебаться в своей аскетической позиции, что сразу замечает влюбленная Далука: «Иосифъ же при таком зрѣлищи весь измѣнися, то зря на идоловъ, то на Далуку обнаженную, но Далука восторжествовала, увидя Иосифа, яко соизволяюща, бросилась к нему в объятія». И только после этого Иосиф «спомнилъ свою Селиму и Иякова» и «какъ стрела из лука бросился вонъ из саду», оставив свою ризу в руках Далуки.

Таким образом, сравнительный анализ текста трех мяндинских списков Сказания об Иосифе Прекрасном показывает, что они содержат в себе три разные редакции, созданные И. С. Мяндиным на основе хронографического рассказа и Слова Ефрема Сирина. При этом подтверждаются сделанные ранее исследователями наблюдения о характере повторного обращения усть-цилемского книжника к одному и тому же литературному материалу: оно, как правило, приводило к пересмотру акцентов в перерабатываемом сюжете, внесению новых подробностей или сокращению мешавших новой концепции редактора деталей, изменению стиля повествования. Претерпел подобные изменения и сюжет об Иосифе, по-своему осмысленный печорским книжником: от редакции к редакции менялся образ центрального персонажа, все более приближаясь к представлениям печорского крестьянина об идеальном герое, менялся и образ героини, оказавшейся на его пути, — из злодейки-соблазнительницы она превращалась в любящую женщину, поступки которой диктуются не греховным вожделием, а истинным сильным чувством, вызывающим сочувствие читателей. Так печорский книжник попытался заполнить те «пустоты» в психологической обрисовке персонажей, которые были им обнаружены в его источниках — средневековых текстах, выполнявших совсем иные художественные задачи.

В приложении публикуется текст трех мяндинских редакций Сказания об Иосифе Прекрасном.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О Иосифѣ Прекрасномъ

Бѣ же у Иякова четыре жены и одинатцеть сыновъ. Рахиль же, идый с другими, зѣло трудна иже бѣ непрадна. И дошедши до иподрома, и в рождении умре, роди Иякову Вениамина 12 сына. Ту и погребена бысть. Ияковъ же зѣло ю любя, того ради хождаше на гробъ часто, оплакивая ю. Единою же возвращаю//щися от Рахили нощию, срѣте его нѣкто силенъ, л. 36 невидимо нача братися со Ияковомъ яко часъ единъ. Тогда глагола ему борющийся: «Не мни, Иякове, что ты боришися с простымъ человекомъ, но з Богомъ брався еси. Того ради нынѣ наречешися Израиль». Ияковъ же, егда брався, повреди ногу и храмля.

Бѣ же у Иякова стада многа, и пасяху и старшии сыновья его // овца. л. 36 об Иосифъ же бѣ в дому, зане отецъ его Ияковъ любя зѣло, яко прекрасенъ и премудръ. Сего ради братия ненавидяху Иосифа. К тому же и сказываше соня нѣкая братиямъ своимъ. Того ради хотяху погубити Иосифа, да не збудутся соня его. С таковымъ намѣрениемъ отидоша братия Иосифова далече от дому со стады своими и не возвращахуся. // Ияковъ же, видя ихъ л. 37 умедлившихъ, стуживси, посла Иосифа дозрѣти братию и стада.

Иде же Иосифъ, миръ нося, от дому отча, нося же и брашна. Принде же и, не обрѣтъ ихъ, опечалися. Узрѣ нѣкоего, вопроси, аще вѣсть сыновъ Ияковлихъ. Онъ же повѣда ихъ отшедшихъ далече в мѣсто Сихемъ. Иосифъ же с радостию потече тамо, яко агня // незлобиво. Братия же его, яко л. 37 об узрѣша Иосифа, скоро похитиша, аки волци, глаголюще: «Се сновидец, хотяя царствовати нами», и абие ввергоша его в ровъ. И сѣдоша ясти с радостию, да помыслят, что с нимъ сотворити. И абие узрѣша купцей измаильтянъ, идущих с верблуды, и реша вси братия: «Лучше есть да продамы брата нашегѣ симъ мужем, да не сотворимъ грѣха // на себѣ». И возваша л. 38 оны купцы, и рекоша к нимъ: «Купите на послужение себе отрока от насъ, зѣло бо добрододень есть и красенъ». Они же рекоша: «Покажите его». И абие текоша ко рву, и извлекше Иосифа, и продаша измаильтяном онымъ.

И бѣ грядый Иосифъ узрѣ на пути в подроми гробъ матери своей Рахили и, напад, плачяся горко, яко и гортани изнемогши. // Видѣвше же купцы измаильтяне, яко напад на гробъ Иосифъ, мняще ето чарующа и рѣша ему: «Что се твориши, чаруя, яко убѣжати хочещи от насъ, лучши бо заклати тя и погубити цѣну, за тя данную». Узрѣша же его опухша лицемъ, вопрошаху, глаголюще: «То по комъ плачещи и за что проданъ еси намъ, еда рабъ былъ еси тѣмъ мужемъ // или плѣнникъ?» Иосифъ же рече: л. 39 «Ни, ни рабъ есмь, ни плѣнникъ, но братъ есмь и любимый сынъ отцу Израиллю. Братия ми суть сии мужие, и зависти ради продаша мя вамъ».

Тогда рекоша Иосифу вси мужие: «Не плачь и нѣ сѣтуй ты, добрододный юноше, нѣсть нынѣ намъ раб. но будещи братъ, ты от зависти идѣши в свободу — тамо, идѣже братия озлобити тя // не могутъ, но и в чести величѣй будещи». Тогда, поемши Иосифа, ведоша его во Египетъ. Бѣ же Иосифъ тогда 17 лѣтъ. л. 39 об

Братия же Иосифова, егда продаша его, окровавиша ризу его в крови козли и принесоша пред лице Ияковле, рекоша: «Отче, мы нашли ризу брата нашего, на горахъ повержену. В печали же мы вси о немъ, горьки слезы и ты пролей». Возъмъ Ияковъ ризу // Иосифу, рече, восплакася горко: «Сия риза моего сына. Не звъръ растерзалъ, но убийцы умертвиша, риза бо есть его вся цѣла. С печалию бо во адъ сиду, тамо бо тебя, сыне, найду».

Приидоша же купцы агарене во Египеть и срѣтоша Петерфирия, мужа честна от полаты царевы. Онъ же, видѣвъ Иосифа, рече имъ: «Откуда взясте сего отрока прекраснаго, нѣсть бо // страны ваша». Они же рѣша: «Плѣнникъ есть и зѣло добрододень сей». Петерфирий же рече: «Продадите ми его, вземше цѣну за нь, елико требуете». Они же продаша Иосифа за много злата. Купивъ же Иосифа, Петерфирий приведе в дом свой и постави его над рабами блюстителя, иже добръ исполняше повелѣние господина своего. Богъ же благослови дѣла Петерфириева Иосифа ради, // и умножишася до зѣла по селомъ и по виноградом, и вси раби возлюбиха Иосифа, и бѣ слава его обтече вся окрестная.

Слышавъ же госпожа Иосифова похвалу, восхотѣ видѣти его, бѣ бо пребывая на селѣ, идѣже пасяху скоты Петерфириевы. Егда же узрѣ госпожа Иосифа, абие уязвися сердце ея на него желаниемъ блуднымъ. И рече мужу своему, да повелитъ Иосифу // пребывати в полатѣ и поставит и домостроителем.

Вскорѣ Иосифъ от села приведенъ ко граду и из рабовъ учиненъ господиномъ. Его же госпожа, жена Петерфириева, часто назираше, прельщая его к себѣ на блудъ. Лице и власи мазаше драгими ароматы и тѣло свое облачаше в драгия утвари и мноцѣннии одежды, и пред Иосифом хождаше зѣло нелѣпо, дабы преломити его // на вожделение блудное. Праведный же Иосифъ, зѣло бѣгая, удаляся. Видяще же жена, яко небрежетъ Иосифъ ея, нача глаголати ему, не стыдяся: «Лязи со мною, Иосифе, яко да насладимся обои». Тогда Иосиф рекъ госпожи своей: «Бога бо боюся, яко нѣсть обычая чюжую жену осквернити и господина обесчестити». Она же окаянная, не внимая сего, болне разгарашеся // на праведнаго похотию, хотя его в ровъ прелюбодѣянна воврещи. Абие совлечеса всѣхъ одеждъ драгихъ и обнажися донага и вземъ ^а«за ризу»^а Иосифа, влачаше его к себѣ в ложницу.

Видя же Иосифъ безстудне жены, абие исторжеса от нея, остави свою ризу, и избѣже на предвѣрне, и утече. Она же, видя ризу Иосифову в руцѣ своей, ужасеся, мысляше, како бы обогати Иосифа предъ // Петерфириемъ. Призвавъ же рабыню, повелѣ ему приити в ложницу и показа ризу Иосифову, глаголя: «Тако ли годѣ бысть тебѣ, господине, яко ругается рабъ госпожи своей? Се якоже нынѣ зриши, что сотвори онъ!». Слышавъ же Петерфирий от нея сия словеса и видѣ ю обнажену, абие разярился зѣло, повелѣ праведнаго всадити в темницу, // не испытавъ истинны, не убояся Бога и не помысли, яко Иосифа ради бысть ему приложение стяжания.

В то же время согрѣшиха рабы царя фараона, старѣй хлѣбарем и старѣй виночерциям, и всадиша ихъ в темницу. Иосифъ же служа имъ, ви-

^а«В ркп. написано на левом поле.

^бВ ркп. д. недописано.

дя бо их честна мужа суща. Они же зѣло любляху Иосифа. Во едину же ночь видѣша обои мужие сны и наутрие, // воставше, размышляху о видѣнныхъ снахъ. Видѣвъ же Иосифъ мужей, в печали сушихъ, вопрошаше: «Что ради уныли суще?». Они же рѣша, яко «сны нѣкия ужасиша ны, и не вѣмы, кто бы намъ повѣдалъ, что суть предвѣщает». Иосифъ же рече: «Аще мощно, повѣдите рабу вашему, и Богъ мой открьетъ мною». Тогда мужие рекоша своя сны. Старѣй хлѣбарем рече: «Азъ видѣхъ корзину // на главѣ моей, исполнену хлѣбовъ, и прилѣтѣша птицы, и начаша клевати главу мою». Старѣй виночерпий рече: «Азъ видѣхъ лозу винную, иже и источихъ вино в сосудъ, и подаяхъ царю». Рече же Иосифъ: «Ты паки будещи подавати царю вино и служити в первомъ санѣ». И старѣй хлѣбарем рече: «Ты казнь примеша отъ царя, и твое тѣло будутъ клевати птицы». По сказанию же Иосифову // виночерпий получи первый свой санъ, старѣй же хлѣбарем тако же получи достойную казнь. 1. 44 об

По двою лѣту фараонъ, царь Египетский, во едину ночь видѣ два сна и зѣло устрашися, которыя нѣ могиша собранныи отъ всего Египта волхвы и чародѣи повѣдати о снахъ. Тогда помяну старѣй виночерпийамъ Иосифа в темницѣ и како сказа имъ сны, // и повѣда о семъ царю, и абие царь повелѣ призвати Иосифа изъ темницы. И яко вниде Иосифъ в полату, и царь посади его и рече: «Повѣдай намъ, о добродородный юноше, сны моя, иже мене устрашиша, и недоумѣютъ разумы всѣхъ мудрецовъ египетскихъ». Праведный же Иосифъ с кротостию рече ко царю: «Повѣдай ми своя сны, царю, и мой Богъ повѣдати имать мною сны твоя». // И царь рече: «Видѣхъ азъ: семь класъ тучны изростоша, и семь класовъ тучныхъ пожроша класы тощия. И паки видѣхъ: 7 кравъ тучны изходяща изъ рѣки Нила, и тощи 7 кравъ пожроша тучныхъ». Тогда отвѣща Иосифъ ко царю фараону, рече: «Сии сны обои едино являютъ, ибо избѣри мужа мудра и поставиши его собрати пшеницы на 7 лѣтъ будущаго глада, // ибо нынѣ 7 лѣтъ будутъ изобильны урожаемъ, и потомъ 7 лѣтъ вездѣ будетъ гладъ». Слышавъ же царь фараонъ словеса Иосифова, яко Божие извѣщение вмѣни, рече: «Кого имамъ обрѣсти такова мужа, одареннаго премудростию, якоже тебе?». И повелѣ царь облещи Иосифа в царския ризы и посадити его на своей колесницѣ, и вельможамъ служити повелѣ. 1. 45 об

Видѣвъ же // Петерфий Иосифа, егоже всади в темницу, яко царя почитаема, утаився отъ вельможъ и тече скоро в домъ свой. И рече к женѣ своей: «О, жено, знамение чудно явися днесь: рабъ бо нашъ Иосифъ съидитъ на колесницѣ фараоновъ! И азъ убояхся, текохъ скоро, да некако увѣсть Иосифъ и погубитъ мя». Она же рече: «Ни, господине мой, не буди печаль о томъ. Азъ повѣмъ вину всю, // еже ради Иосифъ приятъ честь сию. Азъ бо зѣло любила Иосифа и всячески хотѣла быти с нимъ, но Иосифъ, праведенъ сый, нимало не соизволи не только совокупитися со мною, но и воззрѣти. То азъ исходахъ ему царство и вѣнецъ. То иди, не бойся, и поклонися ему, онъ бо есть милостивъ и праведенъ, приметъ и проститъ тя». Слышавъ же Петерфий отъ жены своея, поиде // со студомъ къ Иосифу и поклонися ему. 1. 46 об

Иосифъ же примѣ власть надъ всѣмъ Египтомъ. И насташа лѣта изобильныя, в которыя Иосифъ собра столько пшеницы, что напередъ будущия гладныя лѣта будетъ изобильно не токмо египтяномъ, но и окрестнымъ странамъ. 1. 47 об

Скончавшимся 7 лѣтомъ изобилия, насташа лѣта гладныя. Ощутивъ
 л. 48 об. же Ияковъ с сыновьями // во своей земли гладъ; услышавъ же, яко во
 Египтѣ пшеницею изобилуютъ, посла сыны своя на верблудѣхъ со златомъ
 купити пшеницу. Братия же Иосифовы, егда приидоша во Египеть и
 вшедше ко владыки египетскому купити пшеницу, познав же Иосифъ брати-
 ю свою, рече: «Сии мужие соглядатаи суть, соглядати бо пришли суть
 л. 49 страны наша». // Они же рѣша со страхомъ: «Ни, владыко, нѣсмъ бо согля-
 датаи, но мирни раби твои и единаго отца есмы братия». Иосифъ же при-
 гласи ихъ и, продавая им пшеницу, вопросы ихъ о отцѣ и братѣ, живы лѣ
 суть. Они же отвѣщаша, яко живи суть. Тогда повелѣ Симиона оставити
 во Египтѣ, дондеже меньшаго брата привезутъ. Они же шедше ко отцу
 л. 49 об. своему с печалию, точию во вретихъ // своихъ обрѣтоша свое злато.
 Приидоша же ко отцу своему и возвѣстиша Иякову, яко господинъ еги-
 петский, зѣло гнѣваясь на нихъ, остави у себе Симиона, веля привести
 меньшаго брата Вениамина. Слышав же Ияковъ, воздохнув, рече: «Что
 сотвористе, повѣдавше, яко брата имате еще! Иосифа бо звѣрь изяде, Си-
 миона во Египтѣ остави, се и Вениамина лишаюся!». //

Изядену бывшу пшеницу, глагола Ияковъ к сыновом своимъ: «По-
 имѣте злато и сына моего Вениамина и идѣте купити пшеницы во
 Египтѣ». Приидоша же паки братия Иосифова и явишася ему. Узрѣвъ же
 Иосиф брата своего, и шедъ, втайнѣ плакася горко. Вшедъ же, повелѣ ихъ
 посадити за трапезу с собою ясти. Посажаше бо ихъ по имени, волхвуя ча-
 л. 50 об. шею; Вениамина же // подлѣ себе посади. По обѣдѣ же отпусти ихъ всѣхъ,
 насыпавши пшеницу. И злато ихъ положиша во вретиша, сребренную же
 чашу положи во вретище Вениаминово.

Егда же отидоша вся братия с радостию, абие постиже ихъ пристав-
 никъ Иосифов, сваряся на них, глаголя, яко «чашу царскую украдете,
 л. 51 еюже волхвую», и абие повелѣ имъ возвратитися // ко Иосифу. Возвратив-
 ша же ся братия, ставше предъ Иосифомъ в страсть велицѣ. Рече же к нимъ
 Иосифъ: «Что сотвористе, яко украдете чашу мою?». Они же рекоша:
 «Обыщите наша вретища и, аще у кого явится, той ти поработаетъ». Искав-
 ше же, обрѣтоша чашу во вретищи Вениаминовѣ. Тогда рече имъ Иосифъ:
 л. 51 об. «Той ми да поработаетъ». Симионъ же припадъ // ко Иосифу, глаголя:
 «Господине мой, молю ти ся, да отпустиши сего отрока ко отцу моему и
 мене вмѣсто его остави, да поработаю ти, ибо аще оставиши и у себе, то
 отецъ мой, не видя, умретъ». Слышав же Иосифъ словеса сия и видя брата
 своего плачуща, повелѣ служителямъ и вельможамъ изыти вонъ и рече к
 л. 52 братии: «Азь братъ вашъ Иосифъ, приидѣте облобожите; вы бо // о мнѣ со-
 твористе злая, Богъ бо сотвори мнѣ благое; но идите ко мнѣ, ничтоже боя-
 щееся. Идѣте убо скоро и повѣдите о мнѣ отцу нашему, яко не съяденъ
 звѣремъ, якоже вы оболгасте мя». Братия же его, егда услышаша сии слова,
 абие быша яко изумлени и, со студомъ припадше ко Иосифу, облобызаху и.
 л. 52 об. Тогда рече имъ Иосифъ: «Отнынѣ не бойтеся, азь бо препитаю васъ». // То-
 гда Иосифъ одари братию, болие же Вениамина, и отпусти я с радостию.
 глаголя: «Скоро идѣте и возвѣстите, да приидетъ во Египеть со всѣмъ до-
 момъ своимъ».

Егда же приидоша братия Иосифова ко Иякову, отцу своему, и нача-
 ша повѣдати, яко Иосифъ царствуетъ во Египтѣ, Ияковъ рече: «Вскую яко

разширяете паки раны сердца моего?». Вениаминъ же притече // с радостию, показуя дары Иосифовы, глаголя: «Воистинну, отче, тако есть, яко же глаголаху братия». Ияковъ же воставъ, возрадовался и хвалу возда Богу. И начаша собиратися со всѣмъ имѣниемъ и скоты, и поидоша во Египеть. И бѣ изшедшихъ со Ияковомъ душъ 72.

Приидоша же Ияковъ с сыны и прочими близъ Египта. Ощути же Иосифъ пришествие отца и братии, // повелѣ уготовати кони и колесницы в стретение Израилю. Егда приближилися Иосифъ и Ияковъ близъ, изыдоша от колесницъ, Иосифъ же повергъ жезлъ свой, поклонися отцу своему, и облобызастася по многому веселию со отцемъ и братьями. Иосифъ повелѣ уготовати отцу своему и братии дома, и села, и винограды, и скотопажити, и поля // в земли Гесемстѣй.

Исполнившимся 7 лѣтомъ гладныхъ, паки бысть добролѣтний год. Иосифъ же, повнегда родити ему два сына, Ефрема и Манасию, приведе я ко Иякову, отцу своему, еже благословити я. Ефрема постави одесную, а Манасию ошую. Ияковъ же нача благословляти и положи десную руку на Манасию, а шуюю на Ефрема, такоже и сыновъ всѣхъ // благослови по достоинству.

И умре Ияковъ, исполнь сый лѣтъ. И погребоша Иякова в земли своей, и сотвориша плачь велий. И возвратишася во Египеть. Братия же Иосифова по погребении Иякова, отца своего, приидоша ко Иосифу, глаголюще: «Отецъ нашъ заклѣлъ тя, глаголя: „Отпусти имъ неправду, юже сотвориша”». Иосифъ же, слышавъ, восплакася, рече: «Кто есмь азъ // и како имамъ мстити неправду! Господь самъ есть мстителъ, а не аз, меньшій».

И поживе Иосифъ лѣтъ 120 и заповѣда сыновомъ израиловомъ: «Егда Господь Богъ изведетъ из земли сея и вселитъ в землю обѣтованную, то изнесите кости моя с собою». И умре Иосифъ, и погребоша его в земли Египетской. И бѣша живуще племя израилево во Египтѣ.

(ИРЛИ, Усть-цилемское собр., № 267, л. 35 об.—55)

О прекраснѣмъ Иосифѣ

Из двенатцети сыновъ Ияковлихъ одинъ прекрасный Иосифъ былъ утѣшениемъ его старости, ибо Ияковъ, оплакивая свою прелѣстную Рахиль, только утѣшался Иосифовыми премудрыми разговорами. И сего ради зѣло любляше Иосифа, паче же за красоту и премудрость его. Братия же Иосифова зѣло ненавидяще его, паче же того ради, // понеже Иосифъ соня расказалъ братиямъ, яко бы видѣлъ онъ: на поли снопы ихъ кланялись Иосифову снопу, таже паки одинатцеть звѣздъ кланялись одной звѣздѣ, за что Ияковъ возбранилъ Иосифа много расказывати, да не в завидѣние возбудитъ в братияхъ.

Во единъ от дний прииде ко Иякову дѣвица именемъ Селима, зѣло млада и прекрасна, дщи бывши Нахорова, брата Рахилина. Умерши бо родителю ею, оста она сиротою, Ияковъ же взя к себѣ и соблю//даше ю яко зѣлицу ока. По времени же и обручи ю прекрасному Иосифу, и готовляху к браку, понеже и Селима взаимно любяше Иосифа, якоже и онъ. Сего ра-

ди болии завистию одержими бѣяху братия на Иосифа, паче же Симионъ, зане хотяше Селиму пояти себѣ в жену. Того ради со стады отидоша в гнѣвѣ велицѣ далече от жилища своего и помышляху, како бы имъ Иосифа погубити.

л. 31 Ияковъ же, приготовивши все к брачному празднику, и Селима, // украсивши вмѣстѣ с возлюбленным Иосифом брачную сѣнь, точию ожидаху братию. Минувши же много времени, а они не являхуся. Тогда Ияковъ рече Иосифу, сыну возлюбленному: «Что бысть дѣтем моимъ, яко доселѣ не приидоша со стады своими? Но возми брашно и поиди видѣти ихъ, и скоро возвратися ко мнѣ». Иосифъ же взя потребная и хотя итти. Селима же, яко предчувствуя долгую разлуку, с плачем провожаше его, и долго по пути провожаше очима, // и, яко скрыся, тогда иде в жилище Ияковле печальна.

Иосифъ же долго искаше братию по пустыни. И позна мѣсто от нѣкоего пастыря, с радостию многою потече к нимъ на цѣлование. Но они, яко звѣрие лютии, на него устремишася и, нимало не внимаху слезному молению его, абие свергоша его в ровъ, глаголюще: «Се тебѣ и господство над нами!». Потомъ начаша торжествовати, аки бы побѣдивше врага. Ядущимъ же имъ и веселящимся, // внезапно возрѣша на страну^а и видѣша купцей измаильтянъ, едущих на верблюдохъ. И рѣша в себѣ: «Лучше есть да продамы юношу сего купцем — и мы без печали будем». И совѣщаша цѣну за Иосифа и продаша его.

И тако праведный Иосифъ иде в чюжу землю в работу; и на пути плакася горько на гробѣ Рахили, матере своея, дожде и очима его опухнути. Се же видѣша купцы, утѣшиша его и обѣщашася в хорошее мѣсто его опрделити. //

л. 32 об. Ияковъ же, отецъ его, и Селима не вѣдуци Иосифу нещастнаго приключения. Братия же его окровавиша Иосифову ризу, и, егда точию помышляше Ияковъ о возвращении и мечташе скоро узрѣти Иосифа, абие зреть посланную братиями ризу Иосифову окровавленную кровию юнчею, и яко громом поразило Израиля о такомъ внезапномъ событии над возлюбленным. Сего ради Иосифа ради плачь сотвориша Ияковъ и Селима на многи дни. // Хотя Иякова и увѣряли сыновья, что Иосифа изьяль звѣрь и они ризу нашли на пустом мѣстѣ, но Ияковъ тому не вѣрил, а потому и оплакивалъ возлюбленнаго, что его злодѣи умертвили.

Купцы же измаильтине продали Иосифа князю египетскому Петерфию, и бѣ у него рабом с пастыри на пажити скотстѣй. И над ними былъ начальник лютый и золь зѣло, но Иосифъ из него сдѣлавъ кроткаго друга и, ко удивлению всѣхъ пастырей, // из древъ палмовых и дерна сотвори Иосифъ прекрасную сѣнь, и цвѣтами ю украсил, и лиру, чего ради звукъ лиры и видѣнныя сѣни привлекалъ многих окрестныхъ пастырей ко Иосифу. Добродѣтели, премудрость и красота его всюду была извѣстна.

Слышавши се и госпожа Иосифова Далука, которая красотою в то время цвѣтяше во Египтѣ, яко нѣкая земная богиня, и повелѣ рабом своим вести себя в пастырьския жилища в то время, егда // у сѣни Иосифовой вси пастыри приношаху со Иосифомъ жертву Богу Израилеву и, веселящася,

^аВ ркп. первоначально читалось море; на поле исправлено на страну.

послушаху лиру Иосифову. И абие внезапно узрѣша жену Петерфириеву, едуща на колесницѣ. И воззрѣнием абие на Иосифову красоту Далука такъ узвися любовию, что не могла она утаитися. А потому мужу своему князю Петерфирию скоро повелѣ раба Иосифа взяти во свои чертоги на службу, гдѣ мняше скорѣ склонити его на свою сторону. // Сего ради каж- л 34 об
дый день новыя ризы и украшения различныя Далука на себя возлагаше и благими мастями мазашеся Иосифа ради. Праведный же ни возрѣнием не смѣя к Далукѣ касатися, но точию служа господину своему со всяким усердием. Петерфирий же постави его за усердную службу над всѣм имѣнием своим господином. Госпожа же его, видя себя в небрежении от раба своего Иосифа, чюдяся. Потомъ нача сама глаголати к нему: «О, милый Иосифе, л 35
чесо ради гнушаешися // мене, госпожи своея, возлюбившия тебѣ сердеч-
но? Почто убѣгаеши и не повеселишися со мною, почто не идеши в мои объятія, якоже и се бози наши любящесея?». И со словом показа на Венеру обнаженную, держащую Марса во объятіях своих. Возрѣвъ же Иосиф на истуканныя идолы, рече к Далукѣ: «Се безчювствени суще идолы, мы же чювствени, и сего ради неподобно есть у жива мужа любити жену, такоже л 35 об
и мнѣ, уже имѣюще обрученную невѣсту, // помышляти о тебѣ, ибо азъ боюся Бога отца моего Израиля». Далука же, яко не возможе Иосифа ни словом, ни добротую ризъ прельстити, помысли себя обнажити донага и со словомъ сверже с себя всѣ одежды и покровы и показа Иосифу всѣ прельстныя и нѣжныя члены. И, схвативъ за ризы Иосифа, и влече к себѣ на скверное дѣло. Иосифъ же призвавъ Бога израилева, и сверже ризу, и остави ю^б в руках Далуки, самъ же скоро из ложницы вонъ избѣжа. // Избѣжавшу же Иосифу из Далукиныхъ объятий, ужасеся Далука, зря л 36
ризу^в Иосифову в руках своихъ. Тутъ Далука излила весь гнѣвъ на Иосифа и показа Петерфирию с сими словами: «Видь поступки своего купленнаго раба, что сотворилъ твоей вѣрнѣй соприузѣ, не довлѣ ли ему власть над всѣмъ твоимъ имѣнием, восхотѣ и меня поругати!». Петерфирий же, видя в руках Далукиныхъ Иосифову ризу, паче же и самую распущеными власы и открытою грудью, // вѣрова словесем жены злыя. Разгнѣвася на Иосифа л 36 об
Петерфирий, абие повелѣ без испытанія в темницу воврещи.

Иосифъ же ощути себя в такомъ заключении, нача молитися Богу израилеву, яко да подасть ему терпѣние. Далука же, оставшись во своихъ полатахъ, не могла наитти нигдѣ покоя себѣ, она пошла и ко Иосифу в темницу. Но какъ же она удивилась, когда при свѣтѣ увидя Иосифа, спящаго преспокойно и во снѣ разговаривающа с Селимою своею, // скоро возвра- л 37
тилась во свои чертоги Далука, нося с собою сердце Иосифово.

В то время согрѣшиша два раба царя фараона: старѣй хлѣбарем и старѣй виночерпям. И царь повелѣ воврещи в темницу обоихъ тутъ же, гдѣ находился и Иосиф. И какъ же они удивились, когда увидѣли себя вмѣстѣ с жидовином! Сего ради по гордости своей не хотѣли с нимъ разговаривать, но однако же Господь скоро прославилъ праведника.

Во единъ отъ дний рабы фараоновы видѣша сны, зѣло // устрашили ихъ. л 37 об
В то время вниде Иосифъ служити мужемъ онѣмъ по обычаю и видѣ ихъ

^бВ ркп. написано над строкой.

^вДалее в ркп. в скобкахъ свою.

сѣдящихъ в недоумѣнии, и нача вопрошати. И яко по многомъ вопрошени не отвѣщаша, тогда Иосифъ паки рече с тихостою: «О, мужие, повѣдите ми, яже что ради бысте в печали, или сония васъ устрашиша, или ино что?». И яко видѣша Иосифа прилѣжно вопрошающа, рекоша ему: «О, юноше, аще можеша разрѣшити сония, то повѣдаемъ ти». И рече Иосифъ: «Богъ мой скажетъ вамъ // сония ваша мною, рабомъ своимъ». И нача первый: «Азъ видѣв, яко несохъ в корзинѣ на главѣ моей хлѣбы и прилѣтѣша птицы, и растерзаша мене». И рече Иосифъ: «Тебя царь завтра повелитъ повѣсити, и тако будутъ птицы клевать тебя». И нача другой: «Азъ видѣв: источивши из винограда в чашу вино и подаяхъ ю царю». «Тебя фараонъ ученитъ в первый чинъ, и будешъ ему паки подавать в чаши вино», — сказал Иосиф, присовокупи и то: «Егда будеша в чести, помяни и меня». // Наутрие царь фараонъ испита обоихъ и нашель хлѣбаря виновнѣ ^Ги казни егои², а виночерпѣя учини в первый чинъ. И виночерпий в чести и славѣ забыль про Иосифа.

По двою лѣту фараонъ, царь египетский, во снѣ оувидѣлъ два сна, превосходящии умы всѣхъ мудрецовъ египетскихъ, и никтоже не можаше разрѣшити ихъ тайны. И сего ради царь фараонъ в недоумѣнии бысть. Тогда старѣй виночерпьямъ приступи к царю и сказа ему о Иосифѣ и о снахъ ихъ. // И абие Иосифъ со всякою честию изводится ис темницы и предста предъ лице фараоново. И нача царь глаголати ко Иосифу: «Азъ слышахъ, яко сония можеша разрѣшити». И рече Иосифъ к фараону: «Богъ мой можетъ разрѣшити сония ваша, царю, мною, рабомъ твоимъ, но повѣси ми сны оны нынѣ».

Тогда нача царь: «Азъ видѣхъ, — рече, — 7 кравъ тучныхъ, исходящихъ из моря, и 7 сухоща[вых]*, и пожроша оныя тучныхъ. И паки 7 класовъ добрыхъ и 7 пустыхъ, и пожроша пустыя добрыхъ. И тако азъ убудихся». // Тогда рече Иосиф к царю фараону: «Сны твои обои едино возвѣщаютъ: 7 лѣтъ хлѣбородныхъ и 7 неурожайныхъ. И сего ради да избретъ царь мужа праведна и мудра и да наполнитъ пшеница довольно в урожайныя годы, чтобы довольствовались в неурожайныя». Слыша сие, царь фараонъ дивися премудрости Иосифовой и рече: «Кого имамъ избрати, кромѣ тебя, праведна и в премудрости сияюща?». Иосифъ же со смиреніемъ отговариваяся такоу чести. И сего ради вси вельможи // другъ предъ другомъ хотяще восхитити той великий санъ, но фараонъ, зная корыстолюбие своихъ вельможъ, усугуби прозбы ко Иосифу, да не оставитъ людей бѣдныхъ, и егда³ согласившись Иосифъ на пріятие того сана, абие царь фараонъ посади его на свою колесницу и вда ему свой жезлъ царский. Иосифъ же всѣде на колесницѣ фараоновѣ в славѣ велицѣ и иде в палаты, уготованныя ему.

Петерфирий же, яко видѣ Иосифа в такоу славѣ, абие утаився вельможъ и бѣжа // в домъ свой и сказа Далуцѣ, женѣ своей, про Иосифа, яко «сѣдитъ на колесницѣ фараоновѣ, и азъ убоявся и бѣжа, да не в гнѣвъ впаду». Она же, яко слыша, рече ему: «Не бойся. азъ изходатаихъ честьъ ему, аще бы

¹—Написано над строкой.

²Далее в ркп. царь, взятое в скобки как описка.

*В ркп. конец слова стерт.

³В ркп. написано над строкой.

не любила Иосифа паче мѣры, то не бы ввержень былъ в темницу. Поиди нынѣ и поклонися Иосифу, онъ бо не помянетъ зло к тому». Се же имъ глаголющимъ, абие узрѣ Далука колесницу фараонову и на ней Иосифа, шествующа с вельможами и окружающими его. // Какъ Далука была терзаема, видя Иосифа, часто ездяща на колесницѣ фараоновѣ по всему Египту и собирающа пшеницу в хлѣбородныя лѣта, от всего десятую часть! . 41

Одныжды шествующу Иосифу по земли Египетстѣй и увидя на долинахъ воды многи. И абие приказалъ своимъ слугамъ копати рвы, и изшушиша воды. И тако повелѣ съяти пшеницу и сыпати в хранилища. И в сии хлѣбородныя лѣта Иосиф наполни пшеницею всѣ хранилища и кладовыя. //

По 7-ом лѣтѣ не принесла урожай хлѣба посѣянная пшеница, тако же и 2-й и в 3-й годъ. И внезапно ощутиша людие гладъ велий. Та же участь постиже и в дому патриарха Иякова. И яко услыша онъ, что во Египтѣ пшеницею довольствуясь народъ, и абие посылаетъ Ияковъ сыны своя на верблюдѣхъ со златомъ во Египетъ купити пшеницу. И яко же приидоша братия Иосифова во Египетъ, абие узрѣ Иосифъ во единъ день идущихъ к нему чужестранцовъ // и в сихъ чужестранцовъ Иосиф позна своихъ братию. И рече ко своимъ слугамъ: «Се суть соглядатаи приидоша из земли своей, коихъ надобно задержать». Се же слышавше братия Иосифова, убояшася и, падше, поклонишася Иосифу и рекоша: «Мы не предлагатаи есмы, но родныя братия, и насъ было 12, но един из насъ изяденъ звѣрьми, а другой остался со отцем, и до днесъ отецъ плачется его ради». И абие Иосифъ повелѣ Симиона воврещи в темницу, и наполни // вретища ихъ пшеницею, и отпусти, рекъ: «Скоро идѣте в домъ свой и приведите ко мнѣ меньшаго Вениамина, тогда вѣру иму вамъ и отпущу Симиона». . 41 оі
. 42

Пришедше же сыны Ияковли¹¹ в домъ свой с печалию великою и повѣдаше отцу вся приключышася с ними во Египтѣ, и како правитель Египта весьма яряся на нихъ. Слышавъ же сия Ияковъ, зѣло опечалися, бояся лишитися Вениамина. Но гладъ преодолѣ и любовь. Сего ради егда // недоставшу пшеницы, тогда глагола Ияковъ сыновомъ своимъ: «Поимѣте Вениамина и дары правителю Египта и идѣте купити пшеницу». . 42 оі
. 43

Шедше же сыны Ияковли паки во Египет и явишася правителю* с дары своими и Вениамином. Видѣвъ же Иосиф Вениамина, единоутробнаго брата своего, нача вопрошати: «Живъ ли есть отецъ вашъ?». Тогда Вениаминъ отвѣща: «Живъ есть и молить о здравии твоємъ». Таже изыде Иосиф¹² в ложницу и плакася. Потом повелѣ всѣмъ братиямъ сѣсти на // трапезу с ним. И нача сажати по возрасту, яко бы волхвуй чашею, называя имена, перстомъ ударяя. Вениамина же близъ себе посади и, любезно бѣсѣдуя, вопрошая о любезной Селимѣ и о всѣхъ прочих. По обѣдѣ же повелѣ насыпати пшеницу и злато данное возвратити тайно и во вретище Вениаминово положить златую чашу. И егда братия Иосифова поидоша в путь свой, зѣло хваляху Иосифа, и абие скоро гонецъ прискака // к братиямъ Иосифовымъ и нача обыскивати вретища ихъ, глаголя: «Не довольствовались есте . 43 оі
. 44

¹¹Далее в ркп. в скобках ко Иякову.

¹²В ркп. написано на поле

¹³В ркп. написано над строкой.

тѣмъ, что властелинъ вамъ возвратилъ злато и угостилъ, а вы еще украли чашу, которою волхвуетъ господинъ мой!». И найде оную во вретиси Вениаминову и возврати паки всѣхъ ихъ ко Иосифу.

Тогда рече Иосифъ к нимъ: «Воистинну прелагатаи есте, понеже чашу мою украдoste, да того ради гдѣ обрѣтетея чаша, той мнѣ да поработаетъ». *л. 44 об.* И абие Рувимъ припаде к ногама // Иосифовымъ и рече: «Молю тя, владыко, да не разгнѣваешися на рабы твоя! Повели ми остатися вмѣсто Вениамина, да некако отецъ, не видя его, с печали умрет!». Вениаминъ же стоя, плачась, ибо братия его укаряху, яко татя, и прочая. Видѣвъ же Иосифъ сие зрѣлище, не могий удержатися и рече: «Изыдите вонъ, служителие». Сам же повелѣ молчати и с плачемъ отвѣща к нимъ еврейскимъ гласомъ и рече: *л. 45* «Азъ есмь братъ вашъ Иосифъ! Еще ли живъ есть отецъ нашъ? // К тому не бойтеся: вы сотвористе о мнѣ злая, но Богъ сотвори благая». Слышавше же се, братия ужасошася, Иосифъ же абие утѣшивъ я и облыбыза первие Вениамина, а потомъ и всѣхъ братию поряду, и повелѣ не боятися имъ. И отпусти всѣхъ ко Иякову с колесницами и дары. «Да вскорѣ шедше, приведите ми Иякова и вся домашния его, и жены, и дѣти ваши со скоты и имѣниемъ».

л. 45 об. И абие идоша братия Иосифова в домъ свой, радующеся. Егда же // узрѣ Ияковъ приближающися колесницы и конницы мнози, недоумѣвашеся: «Что се, — глаголя, — будетъ?». Мняше бо правитель Египта разгнѣвася^м на сыны его и хоцетъ плѣнити ихъ. И абие узрѣ Вениамина и всѣхъ идущихъ во мнозѣ веселии и радости, сего ради болии в недоумѣнии бывъ. Вниде же первие Вениаминъ и рече: «Радуйся, отче, яко сынъ твой живъ есть!». Удивль же ся Ияковъ о словеси семъ, таже и другия сынове рѣша: «Сынъ *л. 46* твой живъ // есть и царствуетъ во Египтѣ». Тогда рече к нимъ Ияковъ: «Почто смущаете духъ мой, той бо единою звѣрми изяденъ, царствовати не можетъ». Вениаминъ же, пришедъ во объятія отча, рекъ: «Вѣру ими ми, отче, яко все, рекохомъ ти, истинна есть». И повѣда все случышеся во Египтѣ и показа ему писания и дары от Иосифа.

Несказанно возрадовася о такомъ событии Израиль и первие Бога благодаривъ. Таже воздвигся со всѣмъ имѣниемъ и скоты и родомъ — душъ *л. 46 об.* 72. И поидоша во Египетъ. // На пути же Ияковъ, Селима и Венеаминъ разглагольствующе точию объ Иосифѣ. Егда же узрѣ Иосифъ приближившася Иякова, отца своего, с родомъ, абие поиде в срѣтение со всѣми вельможами. И срѣте Иосифъ отца своего, и спусти жезль свой, и поклонися отцу своему, и лобызастеся. Таже и Селима притече во объятія Иосифова. И бѣ видѣти радость и веселие неизглаголенное. И тако внидоша вси во Египеть.

л. 47 И прятъ царь фараонъ Израиля со всѣмъ // семѣйствомъ его и любезно бѣсѣдова с нимъ. Потомъ даде царь фараонъ землю Геесинскую Иосифову племени во владѣние. И по увеселении же Израиля с родомъ и празновании брака великолѣпнаго Иосифа с Селимою, и всего Египта, Ияковъ преселися в земли дарованнѣи фараономъ. Жить же Ияковъ во Египтѣ и видѣ сыны Иосифовы Ефрема и Манасию. И при смерти всѣхъ благослови и прорече всѣмъ хотящая^н быти. И бысть всѣхъ житія Ияковля лѣтъ и погребоша

^мИспр., в ркп. разгнѣвася.

^нВ ркп. в словесѣ а исправлено из і.

его в // земли°, заповѣданой имъ. Жить же Иосиф всѣх лѣтъ 120. И заповѣда л. 47 об
сыном Израилевым, егда изыдут из Египта, и изнесут кости его в землю
обѣтованную. И тако умре и погребенъ бысть во Египтѣ.

(ИРЛИ, Усть-цилемское собр., № 66, л. 29 об.—47 об.)

**О прекраснѣм Иосифѣ и о еже чесо ради братия продаша его,
и како паки взыде на самый верхъ чести и величия
и Египеть от глада избави**

Иосифъ же сынъ Рахилинъ зѣло любимъ бѣ отцем своим Ияковом за
многую его кротость и послушание, паче же премудрость и красоту его.
Сего ради братия Иосифова завистию одержими бяху на Иосифа и мышъ-
ляху день от дни, како бы погубити праведнаго, паче же подвигшеся на //
гнѣвъ, того ради, яко сония видѣвше о Иосифѣ, господствующе над ни- л. 134
ми. И с того времени болши подвизавшеся, како бы избыти от ненавист-
наго ими брата. К тому же Симионъ болши имѣ ненависть на Иосифа за
Селиму, почти обрученную Иосифу дѣвицу прекраснѣйшую, но Симионъ
сам хотя присвоити оную себѣ в жену. Но отецъ его Ияковъ какъ любляше
Иосифа, а потому и Селиму желалъ присовокупити ему какъ любимую //
дочь за красоту и добродѣтель ея. И уже приготовлено бѣ к браку и только л. 134 об
дожидающе братию, отлучившихся за паствою скота. Они же нарочито
отлучишася, чтобы не видѣти торжества братня или дабы исполнити свое
намерение.

Видя Ияковъ, яко не возвращахуся его сынове, абие посла Иосифа,
возлюбленнаго сына своего, на зыскание ихъ. Иосифъ же поиде, и Сели-
ма провождаше его с сердечным сокрушением и плачем, // яко бы пред- л. 135
чувствуя долгое разлучение. Также и Ияковъ внутренно рыдая провож-
даше. Иосифъ же долго искаше братию свою. Послѣди же сказа ему нѣкий
от пастырей, гдѣ обрѣтахуся сынове Ияковли. Радъ же бысть, яко услыша
об них, и скоро потече на цѣлование ихъ. Они же, яко звѣрие лютие, абие
немилостивно взявше, ввергоша его в ровъ глубоку, не внемлюще ни мало
жалостному молению его. По том, яко бы нѣкое торжество // сотвориша, л. 135 об
сѣдоша ясти и пити и веселитися. И внезапно возрѣвше и видѣвше идущихъ
на верблудѣхъ измаильтеских купцовъ. И совѣщавшеся братия Иосифови
продати его иностранным гостем. И абие возратиша купцей, и извлекоша
Иосифа из рова, и продаша гостем. И тако быша без печали, точно боя-
щеся отца своего, како ему явитися без Иосифа. Но обаче умыслиша окро-
вавить ризу Иосифову и поднести // ко Иякову. Скоро сотвориша, какъ л. 136
замыслили, но Ияковъ, яко услышил такое внезапное приключение, по-
стигшее по словамъ сыновьей его, яко бы звѣрь растерзалъ Иосифа, воз-
любленнаго его сына, и видѣ ризу его окровавлену, на плачь и рыдание
отратися.

Также и Селима горко плакаше. Но Ияковъ, хотя и вполнѣ помыш-
ляя, что Иосифъ снѣденъ бысть от зверей, но зря ризу цѣлу и глаголя: «Его

л. 136 об. не звѣрь съель // , а злодѣи ободрали его и умертвили». И от того часа Ияковъ николиже обвеселися, выну оплакивая злочастную судьбу, постигшую Иосифа, вмѣстѣ с Селимою, ибо и она бысть причастница горести Ияковли.

Но и братия Иосифови, хотя сначала были веселы, избывши своего ненавистнаго брата, но увидя во отцѣ своемъ паче прежняго перемену, убояшася, и веселие ихъ на горестъ обратися. И к тому в дому Ияковли не бѣ радостных // восклицаний, ни лѣсней веселыхъ, ни ино что, но точию плачь и сѣтование.

Иосифъ же веденъ иностранными купцы, и узрѣ гробъ Рахили, матери своей, на пути. И сотвори^а на гробѣ сугубый плачь и рыдание, яко и лице его видѣти опухло. Тогда купцы узнали, что онъ не есть рабъ, но свободный сынъ Израилевъ. И сказали ему, чтобы онъ не печалился, ибо они его ведутъ в хорошее мѣсто. Такъ и сотворили, какъ обѣщали, ибо л. 137 об. продали Иосифа во Египет Петерфию князю за дорогую цену. // И Перфирий князь поставилъ Иосифа над всѣмъ домомъ своимъ господином. И благословилъ Господь Петерфия Иосифа ради, и бѣ радость велия между рабами его.

Госпожа Иосифова — жена Петерфиева — уязвися на Иосифову красоту и начат зѣло за ним слѣдити. И ежедневно облачашеся в различно позлащенные ризы и всячески Иосифа прельщаше к себѣ на смѣшение. Праведный же Иосифъ, видя се, убѣгаше. Единою же вниде Иосифъ в нѣкий л. 138 прекрасный садъ, гдѣ Юпитерь и Венера въ объятяхъ обна//женными члены другъ у друга объемшеся, тутъ же прибыла и Далука, жена Петерфириева. Нѣчаянно увидя Иосифа, какъ обрадовалась и сказала: «Вотъ ты, любезный Иосифе, от меня все бѣгаешь, а здѣсь нѣужели нѣ видишь, какъ любятся боги между собой!». И со словом обнажи всѣ свои члены донага и сказа: «Видь, Иосифе, мои члены, нѣужели^б лучше моихъ у твоей Селимы?». Иосифъ же при таком зрѣлищи весь измѣнися, то зря на идоловъ, то на Далуку обнаженную. Но // Далука восторжествовала, увидя Иосифа, яко соизволяюща, бросилась к нему в объятия. Иосифъ же спомнилъ свою Селиму и Иякова, какъ стрела из лука бросился вонъ из саду, такъ что ризу свою верхнюю оставилъ в руках Далукиных.

Тутъ-то злая жена и вымыслила весь свой гнѣвъ и вину свою взвалить на Иосифа. Вотъ встаетъ с мѣста и одѣваетъ свои обнаженные уды и идет к мужу своему Петерфию, показывает Иосифову ризу со словом, будто бы л. 139 рабъ // Иосифъ ей чести хотѣлъ надругатися. Какъ громом поразило такая рѣчи жены своей. Скоро приказалъ Иосифа ввергнуть в темницу. Далука хотя на Иосифа и гнѣвалась, но зѣло его любила. Такъ что нѣ могла имѣть покоя, а потому и принуждена была итти и в темницу. И тамъ никакъ нѣ могла соблазнить праведника ко своей воли.

В то же время согрѣшили два министра царя Фараона — хлѣбарь и виночерпий, и царь велѣлъ ихъ в темницу ввергнуть, которыя какъ // были высокаго званія, то Иосифа гнушались и нѣ хотѣли с ним разговаривать. По времени же эти министры видѣли сонъ страшень и были в размышле-

^аИспр., в ркп. сотрори.

^бВ ркп. нѣ заключено в ралку.

нии. Ето Иосифъ увидѣль и сталъ настоятельно ихъ спрашивать^в о ихъ размышлении, не могли отговориться от такого праведнаго мужа, рассказали все подробну, даже сны свои. На ето имъ растолковаль сны, что хлѣбарь будет казненъ, а виночерпий — в прежнюю честь. Такъ и случилось.

По времени же царь Фараонъ возврати виночерпия на // первую честь. л 140
А хлѣбаря повелѣ казнити. Иосифъ же виночер[пию]^г помолися об нем царю донѣсти, но виночерпий забыль про Иосифа, дондеже самъ Богъ нѣ забыль его.

По нѣмногом времени царь Фараонъ египетский видѣ сны страшны, яко всѣ мудрецы египетския и волхвы халдѣйския не могуще повѣдати никакой новости. И царь в недоумѣнии бысть. Виночерпий же сказа царю про Иосифа, и абие скоро Иосифъ ис темницы приводится пред царя. И царь Фараонъ расказа свои сны Иосифу и ожидалъ отвѣта от нѣго. //

Тогда началъ Иосифъ предсказывати судьбу Божию: семь коровъ тучных означают хлѣбородныя времена, а семь худощавых — голодныя, л 140 об
а потому надо найти из всего народа одного добродѣтельнаго мужа и премудра, дабы в хлѣбородныя годы собралъ хлѣба столько, сколько нужно прокормить весь народъ в голодныя годы.

Сия слышавъ царь Фараонъ, удивися и рече: «Воистинну гдѣ обрящу такова мужа, якоже ты. Тебя поставляю старѣйшиною над всѣм Египтом. И поручаю всѣ дѣла, // и да напутствуеши всѣхъ». И абие приказал обле- л 141
щи его в царскую багреницу и посади на свою колесницу, и уготовати прекрасныя полаты. Иосифъ же, хотя нѣ по охоты, принужденъ был принять ету честь. И начал исполняти и путешествовати. Сперва приказывал

в хлѣбородныя годы собирати десятую часть в житницы, а потомъ высушил озеро и тутъ насѣяти пшеницей, ибо Иосифъ при объездѣ страны Египетския увидѣль удобныя мѣста, могущия // учинити большую пользу наро- л 141 об
ду. И в тѣ плодородныя годы они принесли много доходу от посѣву на новыхъ мѣстахъ пшеницы. И тако наполниша египетския житницы вновь содѣланныя.

В одинъ годъ пшеница посѣянная не принесла трудолюбивымъ земледельцамъ никакую пользу. Такъ же и в другой годъ, и в третий. И внезапно ощутили окрестныя страны гладъ велий. Та же участь постиже и патриарха Иякова. Но вне//запно бысть извѣщение праведному мужу о избыткѣ л 142
пшеницъ в Египтѣ. И абие Ияковъ посылает десять сыновъ своихъ со златомъ на верблюдахъ купити пшеницу во Египтѣ у доблественнаго и премудраго правителя фараонова.

Прибывше же в Египетъ, братья Иосифова абие явишася Иосифу, и онъ, призвавъ ихъ, вопрошаше о родѣ и откуда прибыли, потому что призналъ ихъ с перваго взгляду, чего ради долго ихъ распрашивалъ и на//конецъ сказалъ: «Вотъ ети соглядаи чужаго царства. Надо ихъ задер- л 142 об
жать». Услышали сыновья Израилевы грозное мнѣние египетскаго правителя, весьма убоялись^д и от страха пали Иосифу в ноги, просили помило-

^вВ ркп. написано над строкой.

^гВ ркп. слово неподписано.

^дВ ркп. первоначально в строке удивились, исправлено над строкой.

вания, рассказывая, что они всё родныя братия и что было ихъ двенатцеть^с, и одинъ звѣрми седень, а другой остался для веселия отца.

Иосифъ, хотя зналъ его всё, да нѣ вѣрилъ, а потому и вѣлѣлъ Симиона арестовать. // И отпусти противъ денегъ братьямъ пшеницы и сказалъ, чтобы привезли к нему Вениамина, иначе Симионъ не будетъ пущен.

Сыновья Ияковли привезли немного пшеницы и рассказали, что с нима произошло, отчего Ияковъ и паче опечалился, боясь лишиться Вениамина. В послѣдний день, когда ужъ пшеницу сели, сказалъ Ияковъ: «Поедтъ с дѣньгами и привезитъ хлѣба из Египта, да нѣ голодом умрем. Возмитъ же и Вениамина, только с уговором, чтобы // не оставить его в Египтѣ, какъ и Симиона». Тутъ Рувимъ взялся Вениамина сохранить с клятвою, давъ слово Иякову отвѣчать своей головою.

Вотъ сыновья Ияковли приеждаютъ в Египеть и с Вениамином и являються Иосифу. Тутъ-то правитель Египта паки свидѣлся с братьями, но и паче с единоутробнымъ Вениамином, которыхъ паки вопрошах о здравии отца, Селимы и протчих. И по обычаю гостеприемства приказалъ братьямъ с собою на одной // трапезѣ обѣдать, сажая ихъ по чину и старшинству, даже имены нарицая, перстом ударяя в златокованую чашу. Вениамина же близъ себя посади и, зѣло приятно с нимъ бѣсѣдуя, вопрошаше о отце и Селимѣ. По обѣдѣ же повѣлѣ насыпати пшеницу в ихъ мѣшки и дѣньги назать возвратить, тайно и сверхъ того Вениамину в мѣшокъ чашу, которой, волхвуй*, называлъ имена, положить. И тако отпусти благополучно восвоися. //

По отшествии же братиевъ Иосифъ посла скорога гонца вслѣдъ братиевъ, якобы обыскати украденную златую чашу. Посланныи же с яростию нача испытывати о потерянной^з чаши. И по обыскании же мѣшковъ найдена была ета чаша у Вениамина в мѣшку. И абие всѣхъ возвратиша к правителя Египта. Иосифъ же, яко гнѣваяся, рече к своимъ братьямъ: «Воистинну азъ вѣдахъ, яко прелэгатаи сии люди: украли есте мою чашу, иже творих // волхование, нѣ^н помянусте мои добродѣянннн, то за ту вину да останет той в раба мѣсто, у котораго найдена бысть чаша».

Слышавъ же Рувимъ, припадъ на колѣна Иосифу, моля Вениамина отити ко Иякова, самъ в его мѣсто желая остатися в Египтѣ. И вси Вениамина укаряху, яко татя, даже и Иосифа сообщника его быти глаголаху, за что и звѣри сели его. Вениаминъ же ничтоже не глаголя, точию плачася. Видѣвъ же Иосифъ сие происшествие, едва^к // удержася от слезъ. Послѣди же повелѣ прочимъ изыти ис полаты, самъ же, ставъ посреде братии, рекъ свѣтлымъ гласомъ: «Азъ есмь братъ вашъ Иосифъ! К тому не бойтеса, вы сотвористе мнѣ злая, но Богъ сотвори о мнѣ благая».

Слышавше же братия, но и паче убояшися, мняще, яко Иосифъ отмститъ за обиду. Вениаминъ же радовашеся. Тогда Иосифъ объеъмъ Вениамина и прочих, рече: «Не бойтеса мшенинн, уже бо оставихъ, но скоро идѣте и скажите отцу // моему и Селимѣ, что Иосифъ живъ есть и царству-

^сИспр., в ркп. двенанатцеть.

*Испр., в ркп. волхвуй.

^зИспр., в ркп. потерянной.

^н ъ в ркп. исправлено из о.

^кВ ркп. ошибочно повторено в начале следующего листа.

еть во Египтѣ, и да бы двигнулся со всѣм домомъ своимъ в Египеть, да во время глада препитаю».

Абие сынове Ияковли пути ся яша и скоро до Иякова дошедше. И яко повѣдаша отцу своему такую радость о Иосифѣ, онъ же нѣ вѣровавъ, послѣди же едва увѣрился на Вениаминовы глаголы. Тогда воздвижесе и Израиль со всѣмъ домомъ и имѣнием, и скоты, и домашними, яко до семидесяти душъ, и прииде во Египет. //

Иосифъ же далече срѣте отца своего и урони жезлъ, и припадъ, поклонися царь пастырю. И облобызастася. Также и Селима. Тогда внидоша вси во Египеть с веселиемъ и радостію и вселистася в земли Геесенстѣй и тако пожиста многа лѣта благополучно. Ияковъ же при умертвии всѣхъ сыновъ благослови и внучать, также и Иосифъ прорече отшествіе сыновъ Израилевыхъ, повелѣ и кости свои не оставити. И сия до здѣ и прочіе. л. 146 об.

(РНБ, НСРК, О.100, л. 133 об.—146 об.)